

ПЯВКО ВЛАДИСЛАВ ИВАНОВИЧ

МАЛЕНЬКИЙ скверик в тихом московском переулке перед зданием Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского — традиционный центр информации обо всех институтских делах, удачах или неудачах на экзаменах, академических вечерах, студенческих спектаклях, успехах выпускников. И, разумеется, радость при вести о присвоении Владиславу Ивановичу Пьявко, выпускнику института, а ныне его педагогу, высокого звания народного артиста СССР не замедлила выплеснуться из старых гитисовских стен в этот скверик, под те самые деревья, которые помнят, как сдавал нынешний ведущий тенор Большого театра свои вступительные экзамены. Как томительно ожидал результатов — «Принят? Не принят?». Помнит скверик и диалог между педагогом и учеником, диалог, который где-то здесь состоялся: — Сергей Яковлевич, я буду петь Отелло?

— ...Ну, знаешь!..
 Ответа более определенного в тот момент Сергей Яковлевич Ребриков дать не мог, поскольку певческая судьба только что попавшего к нему студента-второкурсника в институте складывалась не совсем удачно, и вопрос о его профессиональной пригодности стоял довольно остро...

Спустя восемь лет выступление Владислава Пьявко на международном конкурсе вокалистов в Бельгии так оценивалось прессы: «Владислав Пьявко великолепно владеет своим благородным и пылким тенором, в котором словно звенит чистый металл... Он с удивительной легкостью берет верхние ноты, при этом ему никогда не изменяет музыкальность. Проникновение в суть произведения, огромная эмоциональность, прекрасная нюансировка делают его исполнение одним из самых ярких событий конкурса. Блестящим был Пьявко в монологе Отелло из третьего акта оперы Верди, который он исполнил в самом лучшем стиле».

Поэтому, может быть, и не стоило бы в эти праздничные и для Владислава Пьявко и для Большого театра дни вспоминать о трудностях начала — они были с блеском преодолены в достаточно короткие сроки. (Здесь в первую очередь необходимо воздать должное педагогу артиста — С. Я. Ребрикову, сумевшему раскрыть замечательные возможности своего студента, попавшего к нему после года обучения по неверной методике). Однако есть один момент, который представляется мне исключительно важным. Практически находясь на грани отчисления из института в 1961 году, в 1963 г. Пьявко по итогам конкурса (шесть мест и триста претендентов!) зачисляется в стажерскую группу Большого театра. В 1966-м — с успехом исполняет Пинкертон в новой постановке «Чио-Чио-Сан» Д. Пуччини, потом едет на стажировку в «Ла Скала», завоевывает высокие награды на международных конкурсах. В начале семидесятых годов он уверенно занимает положение ведущего тенора одного из лучших оперных театров мира.

Уже только этот путь говорит о редкой целеустремленности артиста, умеющего предельно отдаваться процессу работы, четко понимающего стоящие перед ним задачи. Но в творческой биографии певца наиболее ценен не сам по себе этот стремительный взлет к вершинам мастерства, к заслуженному успеху и международному признанию. Пожалуй, главное, что характеризует Владислава Пьявко, — это процесс постоянного значительного и сознательного творческого роста, непрерывающегося развития дарования, что встречается крайне редко. И самое ценное — постоянно получают свое дальнейшее развитие те черты, которые отмечались как его несомненные достижения еще в начале артистического пути, те черты, которые определяют Владислава Пьявко как подлинно современного артиста современного оперного театра. Еще в 1972 году чехословацкая пресса назвала его Пинкертон «примером современной оперной интерпретации». А в отклике на его последние по времени зарубежные гастроли (январь и март 1983 года, «Пиковая дама» в Афинском оперном теат-

ре) читаем о «некоторых особенностях, характеризующих облик артиста современной оперы», краткое: «Советский тенор Владислав Пьявко — отличный певец, одновременно — отличный артист. Второе качество делает еще более выразительным его пение». Начало этой фразы нам хорошо знакомо — о Пьявко часто говорят примерно этими же словами. Но современность именно оперного артиста все же подчеркивает вторая часть высказывания. Да, безусловно, пять лет занятий мастерством актера в ГИТИСе заложили прочный фундамент актерского профессионализма. Дополняют его пластическая выразительность, темперамент, эмоциональность, замечательные внешние данные певца. Но основой основ для создания музыкально-сценического образа у Владислава Пьявко являются прежде всего выразительные возможности голоса, над совершенствованием которых он работает неустанно.

Его певческое «богатство» неизменно вызывает восторженные отклики. «Владислав Пьявко — тенор исключительной силы, щедрости, красоты и постановки голоса; его верхние ноты кажутся сверхъестественными», — писал, в частности, французский журнал «L'Unité», сравнивая звучание голоса советского артиста с «бурлением золота». «Его голос — драматический тенор, какого мы уже давно не слушали — обильный, несущийся, ядреный, экспрессивный, звучный во всех регистрах, с особенно надежными, яркими верхами», — восхищались югославы еще в 1975 году.

Подобных откликов в архиве Владислава Пьявко можно найти великое множество, но суть не в этом. Само по себе вокальное совершенство для артиста не является целью, хотя уместно вспомнить, как сознательно и настойчиво сумел он отшлифовать свою профессиональную технику, добившись исключительно ровного, наполненного звучания во всех регистрах, плавности и мягкости кантилены, богатства динамических оттенков. (О недостаточном развитии этих качеств довольно много говорилось в первые годы его сценической деятельности). «Насколько же много работал Пьявко над своим голосом», — писал Анатолий Иванович Орфенов, побывав на одном из первых московских сольных концертов певца (1974 г.). — Я с радостью услышал наконец ту ровность тембра на всем протяжении голоса, которая отличает настоящего мастера. И в самом деле: спеть, например, романс Рахманинова «Покинем, милая», выдержав всю пьесу на красивейшем пиано, — большая редкость у наших вокалистов. Тонкое понимание музыки и владение голосом продемонстрировал артист и в сцене смерти Отелло, где композитор требует от исполнителя этого нюанса... Мы слышим красивую, наполненную сочным лиризмом середину, яркие, смелые верха».

Именно отшлифованность профессиональной техники позволяет создавать образ прежде всего в вокальном рисунке, выражать посредством голоса тончайшие нюансы человеческих чувств, черт характера, состояний души. И решение любых, самых сложных вокальных задач неизменно подчинено этому. «Милая Аида, солнца сиянье, нильской долины дивный цветок! Ты радость жизни, ты упоенье, моя царица, ты жизнь моя!» — беспредельным кажется дыхание и удивительной широты фразы чудесно передают, как упивается своей мечтой молодой египетский военачальник. «Где вечный день всегда царит...» — замечательно филирует в финальном дуэте «Аиды» верхнее си-бемоль и достигает удивительного эффекта отлетающего дыхания, уходящей жизни. Пылоч, импульсивен, взрывчат его Манрико — и исполняемая в оригинальной тональности стретта концентрирует в себе эти качества

героя. «Много тысяч, много тысяч мертвых душ!!!» — безудержны, залетны верхние ноты, как безудержно вдохновенное вранье Ноздрева. «О сладкие воспоминанья, о, где вы, объятья и страстные лобзанья? Как легкий дым, все быстро вдруг исчезло!» — от проникновенного пиано вырастает голос до предельно насыщенного звучания — лишь на мгновение забылся художник Каварадосси мечтой — воспоминанием о своей возлюбленной.

Владислав Пьявко сумел добиться настолько яркой вокальной выразительности в своих оперных партиях, что кажется, можно закрыть глаза и все равно зримо представишь себе его героя. Но этого, разумеется, лучше не делать, поскольку подлинно современный характер его оперного дарования выражается в гармоничном сочетании вокальной выразительности, духовности осмысленного звучания, точности интонаций каждой вокальной фразы с выразительностью внешней, богатством пластики, мимики, удивительной естественностью и органичностью сценического поведения.

Современность актера проявляется и в постоянном расширении интересов, творческого, эстетического кругозора, несомненной разносторонности его дарования. И в результате перед нами не просто человеческие характеры, последовательно раскрывающиеся на протяжении спектакля, что само по себе в опере очень ценно. Обобщенность, умение выразить не только характер героя, но тип, эпоху — неизменно присутствуют в сценических созданиях Пьявко. Манрико — преданный сын, пылкий влюбленный, вдохновенный поэт-трубадур, самоотверженный вождь

повстанцев, но при всем этом — он человек эпохи Средневековья, и ему присуща в определенных пределах жестокость, характерная для этого времени; всепоглощающая ненависть к врагу в нем порой сильнее любви. «Ярчайшей, на редкость органичной и умной работой» назвал Ю. С. Коров в журнале «Советская музыка» созданный певцом образ Сергея в «Катерине Измайловой» Д. Шостаковича: «Сергей и впрямь воспринимается как такой «движущийся тип», социальную жизнь которого можно мыслить и за пределами места, времени и действия оперы... Нужно быть не просто высокодаровитым певцом, но свежо и широко мыслящим современным артистом, чтобы создать столь жизненно достоверный, реальный образ».

Именно возможностью расширения творческого кругозора, возможностью обращения к новому музыкальному материалу привлекает певца работа над концертным репертуаром, который он с каждым годом уделяет все больше внимания. Он нечасто включает в свои программы арии из опер, не повторяет найденного в театре. В числе наиболее интересных его концертов можно назвать вечера романсов Чайковского и Рахманинова, русских, испанских и неаполитанских песен, программы вокальной музыки Свиридова. Певец явился первым исполнителем поэмы «Отчавившая Русь», созданной выдающимся советским композитором на стихи Есенина, — произведения необычайно сложной и с образно-выразительной, и с чисто технической стороны.

Находясь в расцвете своей творческой деятельности, Владислав Пьявко пришел в педагогику, пришел сознательно, четко и ясно представляя себе свои педагогические принципы, то, чему и как он может научить начинающих вокалистов. И отрадно, что произошло это именно сейчас, когда ученики могут учиться у него не только в классе, но и на спектаклях, концертах. А сам он, вернувшись на новом уровне и в новом качестве к основам мастерства, стал еще более придиристо «прислушиваться» к себе, отыскивать качественно новые нюансы даже в самых «устоявшихся» своих работах.

В этой статье нет возможности более подробно останавливаться на конкретных сценических созданиях артиста, и все же об одном из них нельзя не сказать отдельно.

«Мне кажется, что пушкинский Герман — это предтеча тех отторгнутых обществом «лишних людей», которых потом с такой пристальностью будет исследовать русская классическая литература», — сказал певец в одном из своих интервью (1976 г.). Яркое заявление эту тему уже в первых выступлениях в опере Чайковского «Пиковая дама» и поразив нетрадиционностью своего Германа (что заметила даже американская пресса в откликах на гастроль Большого театра в США — «Он скорее герой Пушкина, чем Чайковского, так как в его исполнении подчеркивается фанатизм, а не страсть»), Владислав Пьявко от спектакля к спектаклю стремится к наиболее последовательному ее проведению, используя при этом всю богатейшую палитру своих выразительных средств. И его «Пиковые дамы» этого сезона (три подряд в конце ноября — начале декабря и та недавняя, в которой он впервые вышел на сцену театра народным артистом СССР) показали, как при мельчайшей, тонкой, психологически обусловленной отделеке деталей поведения значительно укрупнился образ, как «ужасающее одиночество» (слова В. Пьявко) Германа превратилось в противопоставление романтического героя и толпы, в Германе был выражен прежде всего тот характер, который порожден — русским романтизмом, тот характер, который, своеобразно преломившись, и дал в конечном итоге образ «лишнего человека». В герое был подчеркнут не фанатизм и даже не безумная жажда самоутверждения, которая вплоть до недавнего времени доминировала в трактовке артиста, а то, что точнее всего передают лермонтовские слова о «жаре души, растраченном в пустыне».

Владислав Пьявко постоянно находится в движении, ищет и находит новое в старых работах, обращается к новым. Впереди — Гришка Кутерьма и очень хочется надеяться, что Отелло. Присвоение высокого звания народного артиста СССР отнюдь не означает, что яркий талант ведущего солиста Большого театра достиг наивысшей точки в своем развитии. Это самое радостное, что можно сказать, поздравляя Владислава Ивановича Пьявко и весь театр со знаменательным событием.

...А в гитисовском скверике не так давно состоялся еще один диалог между педагогом и студентом, только-только начинающим учиться петь (честное слово, это не литературный прием, я своими ушами слышала):

— Владислав Иванович, я буду петь Манрико?

— ...Ну, знаешь!..

Надежда ХАЧАТУРОВА.